

МЕЖСЕКТОРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: УГРОЗА ИЛИ ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТНЕРСТВА?

И.А. Скалабан

Новосибирский государственный
технический университет

В статье изучаются сущность и виды противоречий между секторами общества. Характеризуются универсальные противоречия, противоречия связанные с социокультурными характеристиками социума, а также вызванные текущими структурными изменениями. Оценивается их конструктивный и деструктивный потенциал для развития российского общества, формирования партнерства между секторами.

Ключевые слова: межсекторные противоречия, межсекторное взаимодействие, межсекторное партнерство, гражданское общество.

В последнее время в официальных выступлениях, средствах массовой информации призыв к развитию институтов гражданского общества все чаще замещается утверждением его динамичного развития, преодоления конфликтов и наступления эпохи гражданского мира и согласия. Одним из ключевых аргументов в этой связи выступает тезис о развитии основных секторов общества и, как следствие, интенсификации, качественном развитии существующих взаимодействий секторов. Косвенным признаком этого является все более широкое распространение в научной литературе и практике термина «межсекторное партнерство», а не «межсекторное взаимодействие».

Прослеживаемая ориентация на консенсуальные аспекты взаимодействий крупных организационных систем, каковыми и являются общественные сектора, игнорирует естественную тенденцию любой социальной системы сохранять и порождать внутренние противоречия, которые и явля-

ются основным источником изменений самих систем и общества в целом. Поэтому, если мы хотим использовать межсекторное социальное партнерство как инструмент преодоления возникающих общественных противоречий, необходимо осознать, изучить и систематизировать те противоречия, которые и определяют характер текущего момента общественного развития и социальные процессы, протекающие в сфере межсекторных взаимодействий.

Представляется перспективным анализ феномена межсекторного взаимодействия через призму теорий социальных изменений, в частности теорий социального конфликта. Неисчерпанность потенциала данных теорий подтверждает возвращение к ним в последние годы ряда исследователей для осмысления практики социального партнерства, как института конфликто-разрешения в социально-трудовой сфере. Наблюдается тенденция к использованию конфликтной парадигмы и для осмысления феномена межсекторного партнерства

[7, 8]. В этом контексте межсекторное партнерство рассматривается как способ преодоления противоречий и согласования интересов сторон в процессе конфликтного взаимодействия, поскольку в ходе борьбы и согласования правил взаимодействия вырабатывается особая идеология и нормативная система.

Следует учитывать, что являясь непременным условием саморазвития любой социальной системы, противоречия сами по себе не приводят непременно к конфликту. «Общества остаются человеческими обществами в той мере, в какой они объединяют в себе несовместимое и поддерживают жизнеспособность противоречий» [3, с. 375]. Отмечая это, один из основоположников современной теории конфликта Р. Дарендорф, подчеркивает, что рациональная антиномия противоречий одновременно и преодоленных, и сохраняющихся, является естественным состоянием общества и введение «правил игры» не разрешает противоречия, а лишь позволяет использовать его конструктивный потенциал.

Проявление и развитие объективных социальных противоречий, определяющих характер межсекторных взаимодействий и в частности конфликтов, всегда исторично. Как отмечал Р. Дарендорф, «конфликты в своем влиянии и значении становятся понятными лишь тогда, когда они соотносятся с историческим процессом в человеческих обществах. В качестве одного из факторов вездесущего процесса социальных изменений конфликты в высшей степени необходимы. Там, где они отсутствуют, подавлены или же мнимо разрешены, изменения замедляются и сдерживаются. Там, где конфликты признаны и управляемы, процесс изменения сохраняется как постепенное развитие. Но в любом случае в конфликтах

заключается выдающаяся творческая сила обществ» [3, с. 370].

По историческим рамкам действия можно выделить несколько уровней противоречий, способных вызвать конфликты в межсекторном пространстве.

1. Универсальные системные противоречия, присущие всем обществам, достигшим того или иного уровня развития.

2. Противоречия, связанные с исторически сложившимися социокультурными, цивилизационными характеристиками того или иного социума, его социально-политическими характеристиками.

3. Противоречия, вызванные текущими структурными изменениями конкретного общества, избранной стратегией изменений, реагирования на созревающие противоречия и конфликты.

Безусловно, выделение и самостоятельный анализ подобных уровней будет носить несколько искусственный характер, так как каждое из противоречий выделяемых на том или другом уровне может приобретать свою специфику или уточняться на другом. Но знание природы противоречий, условий их возникновения и степени развития может позволить понять степень их функциональности для социума, оценить их ресурсный потенциал.

Рассмотрим каждый из выделенных уровней подробнее.

Уровень универсальных противоречий, вызванных самим характером данных секторов. К этому уровню относятся противоречия, носящие объективный универсальный характер и лежащие в основе перманентных межсекторных напряжений. Первые из этих противоречий зародились в момент возникновения государства, но наиболее четко оформились и проявились в условиях индустриального общества. Этот процесс

зафиксирован в смене двойственной концепции эпохи Просвещения (гражданское общество, включающее в себя рыночную систему в рамках общественной деятельности, противопоставляется государству) на тройственную.

Согласно современной тройственной концепции, гражданское общество занимает собственную сферу, отличающуюся от сфер государства и экономического сообщества. Вне зависимости от вида и скорости модернизационных процессов субъекты и векторы межсекторных отношений, как и возникшие между ними противоречия, оказались присущи всем обществам, достигшим развитого индустриального уровня. Это противоречия между стихией рынка и его государственным регулированием; между стремлением к увеличению прибыли бизнесом и усилением социальных ограничений к нему через требования социальной ответственности бизнеса перед обществом; противоречия между плюрализмом, стремлением к спонтанной самоорганизации в гражданской сфере и тенденциями к легитимизации данного процесса со стороны государства; между тенденцией к централизации власти и стремлением к ее децентрализации, за счет усиления горизонтально структурированных эгалитарных моделей социальной жизни и развития самоуправления, признания «стратегической важности местных инициатив в деле предоставления более широких полномочий гражданам, наделенным наименьшей властью» [4, с. 60] и т. д.

Данные противоречия, присутствуя в любом социуме, достигшем индустриального уровня, могут быть усилены происходящими социальными процессами, либо ослаблены за счет развития интеграционных механизмов решения социальных про-

блем. Усиление или ослабление влияния данных процессов на перманентные противоречия носит волнообразный характер, и их проявление можно наблюдать, к примеру, в Западной Европе, где независимость третьего сектора начала 90-х годов сменилась в начале тысячелетия новым витком огосударствления.

Сложность и диалектичность указанных межсекторных противоречий, их историчность нашли свое отражение в дискуссиях о гражданском обществе. Сам факт возрождения дискурса гражданского общества, его разрастание свидетельствуют об актуализации в современном мире указанных выше универсальных противоречий, в том числе и в межсекторном пространстве. Это обусловлено тем, что, имея ряд разных сущностных характеристик, гражданское общество и некоммерческий сектор структурно зависимы, а идущие в них процессы самоконструирования и самобилизации определяют контуры и основные характеристики друг друга, хотя это не исключает и наличия между ними отличий.

Сущность межсекторных противоречий не может быть сведена к буквальному противостоянию власти и гражданского общества. Как справедливо заметил Л.С. Мамут, существующие в современном обществе противоречия определяются диалектикой отношений государственных и негосударственных институтов общества, их взаимозависимостью и взаимодополнением. Государство постоянно воздействует на гражданское общество, причем последнее, являясь своего рода агломерацией различных видов коллективностей, не имеет и не может иметь одну всеохватывающую организационную структуру. А сформировавшийся некий «идеал» гражданского общества тормозит понимание происходящих

фактических изменений. Важно понимать, «каков характер этого воздействия: позитивный или негативный. Оно положительное, когда соотносится со спецификой отношений и институтов гражданского общества, с механизмами его саморегуляции и социокультурой, с уровнем его исторической зрелости, динамикой развития» [6, с. 102].

Диалектика противоречий, лежащих в основе отношений государства и гражданского общества, отмечается и одним из его современных теоретиков Дж. Кином: «Демократическое гражданское общество никогда не могло действовать в одиночку и для того, чтобы по настоящему защитить его независимость, необходима государственная власть. Демократизация не является ни откровенным врагом, ни безусловным другом государственной власти. От государства требуется, чтобы оно управляло гражданским обществом не слишком много и не слишком мало; хотя более демократический строй нельзя создать с помощью государственной власти, его нельзя создать и без государственной власти» [4, с. 62].

В современном обществе, в силу его системной сложности, данное противоречие может иметь целый ряд проявлений, трансформируясь в противоречие между расширением сетей административной власти и тенденцией к ограничению их влияния в сферах гражданского самоуправления или в противоречие между иерархичностью организационной структуры государственного управления и сохранением преимущественно сетевой структуры организаций гражданского общества.

Признание функциональности и конструктивного отношения к данным противоречиям позволяют структурировать группы интересов, содействуют развитию межсек-

торного взаимодействия и качественным изменениям самих секторов: развитию идей корпоративного гражданства – социальной ответственности бизнеса, демократизации государственных структур. Но при этом надо сознавать, что данные противоречия реализуются не только на границах секторов, но пронизывают и гражданское общество, и его организационные структуры.

Это обусловлено тем, что данные противоречия проявляются не только во взаимоотношениях противоположных объектов, но и в отношении объекта к самому себе, постоянном самоотрицании, противоречивости объекта. Так, пытаясь объяснить сложность и противоречивость существенных характеристик третьего сектора, Д. Биллис даже сформулировал «теорию миров», выделив как самостоятельные «ассоциативный мир» – неформальных ролей и структур, «бюрократический мир» – специализированных ролей и формальных иерархий. По мнению исследователя, собственно организации третьего сектора в силу своей организационной специфики располагаются на «неясной границе» между мирами [10].

Следует отметить, что характер проявления межсекторных противоречий зависит и от процессов, происходящих в мировой экономике, технологической и информационной и других сферах. В условиях развития глобализации межсекторные взаимодействия все более определяются трансформационными процессами, обостряющими противоречия внутри секторов (к примеру, трансформация механизмов государственного суверенитета), что в свою очередь наполняет новым содержанием и противоречия межсекторные, к примеру, трансформируя указанное противоречие в противоречие между глобализацией граж-

данского общества и бизнеса и сохранением суверенности государственных образований.

2. *Уровень противоречий, связанный с исторически сложившимися социокультурными, цивилизационными характеристиками того или иного социума, с его социально-политическими особенностями.* Как отметил Т. Карролл, «все НПО (неправительственные организации. – П. С.) действуют в пределах контекстуальной матрицы, заданной специфическими локальными и историческими условиями, которые непрерывно изменяются» [11, с. 38]. Представляется, что это замечание в полной мере можно отнести к организационным системам всех трех секторов. Поэтому характер и масштабы формирующихся противоречий определяются целым комплексом исторически сформировавшихся системных характеристик конкретного социума. К примеру, они определяются: характером модернизации и ролью, весом государства в этом процессе; характером государственной власти (авторитаризм – либерализм); характером доминирующей социальной солидарности, определяющей исторически доминирующие институциональные формы ассоциативности (низкий – высокий уровень распространенности в обществе ценностей и отношений кооперации), исторической спецификой формирования третьего сектора и т. д.

Не случайно даже в развитых странах, с высоким уровнем демократизации, существуют различные исторически сложившиеся параметры секторов и системы отношений между ними. К примеру, Испания имеет крайне слабо развитую систему ассоциаций и слабые, по сравнению с другими странами «старой» Европы, институциональные связи между государством и некоммерческим сектором. Франция,

несмотря на давние традиции демократии, демонстрирует низкий уровень включенности граждан и гражданских ассоциаций во взаимодействие общественности и органов власти. Эта слабая включенность определяется законом 1901 года, который предусматривает полную легальность существования ассоциаций, однако существенным образом ограничивает их гражданскую правоспособность. В Великобритании для некоммерческих организаций получение статуса юридического лица не обязательно. Отношения организаций третьего сектора с государством и бизнесом в сфере социального предпринимательства, предоставления социальных услуг носят конкурентный характер, а с государством – еще и определяются закрепленными договорными отношениями (Contract). В Нидерландах, Ирландии, Бельгии осуществляется наиболее тесное сотрудничество между государством и «третьим сектором» во всех сферах деятельности, что позволяет производить 10 % всего валового национального продукта. Третий сектор Германии сильно зависит от государственных финансов, являя собой определенную нагрузку на государство, что идет вразрез с его гражданскими функциями, а применение принципа субсидиарности разворачивает отношения между государством и «третьим сектором» главным образом в сфере благотворительности и деятельности в местных сообществах. В таких экономически развитых странах как Корея развитие третьего сектора до начала 90-х годов правительством сознательно подавлялось, в то время как в Японии государственные структуры, особенно на уровне местной власти, целенаправленно стимулировали ассоциации к развитию, особенно в сфере волонтерской деятельности.

В России, в силу специфики происходящих на протяжении столетий исторических процессов, в частности реализации догоняющей модернизационной модели мобилизационного типа и традиционного этатизма, формирование организационных систем, заложивших основы секторного деления, началось существенно раньше, чем наметился общественный подъем и либерализация институтов власти. Это оказало определенное влияние и на характер ассоциативных процессов, происходящих в обществе, и на возможности существовавших ассоциативных форм общественного устройства стать источниками формирования гражданского общества.

Не всякие ассоциативные процессы, происходившие в традиционном обществе, в эпоху ранней модернизации могли стать источником формирования третьего сектора. В западных странах становление некоммерческого сектора происходило в контексте формирования городской культуры, сословий и корпораций, сохранивших свой организационно-корпоративный статус, в рамках становления независимых институтов церкви. Дж. Коэн, Э. Арато охарактеризовали его как «встречное движение по реорганизации “общества” как некоего противовеса государству». Как таковое оно «вылилось в организацию ассоциаций и форм общественной жизни, способных черпать свои силы из независимости сословий, из религиозного раскола, а также из экономического предпринимательства» [5, с. 135]. Все эти процессы смогли обеспечить ключевое отличие новых объединений от существовавших ранее типов общественных объединений. Оно заключалось в уровне индивидуальной свободы членов и осознанности выбора индивида при вступлении в организацию. Это существенно

отличало вновь создаваемые организации, к примеру, от сельской общины, принадлежность к которой для индивида носила скорее вынужденный характер. Поэтому община несмотря на высокое стремление к коллективизму не стала основой для формирования некоммерческих ассоциаций. Общинные отношения – основа русского традиционного общества, обеспечивая скорее солидарность, пользуясь терминологией Э. Дюркгейма, механического типа, затрудняли переход от общинной солидарности к ассоциативной, не могли стать источником для формирования негосударственных секторов. В России ими не стали ни религиозные общины раскольников, выбравших эскапизм и прекращение отношений с государственными институтами, ни купеческие гильдии, действующие в сфере государственных интересов, а потому находящиеся под его тотальным надзором.

Все это привело к тому, что Российское государство, реализуя потребность в привлечении дополнительных ресурсов для расширения модернизационных процессов, само инициировало постепенное формирование второго и третьего секторов в удобном для себя формате. Это не только обеспечило закрепление и воспроизводство асимметричных межсекторных отношений патерналистского типа, но заложило и новое противоречие: между системобразующими ценностями негосударственных секторов и возможностями их реализации в складывающихся социокультурных и политико-экономических условиях. Примером одной из форм конфликтного проявления данного противоречия стало диссидентство, проявляющееся в различные исторические периоды в политической или экономической сферах.

Патерналистский тип межсекторных взаимодействий, реализуемых в условиях авторитаризма, способствовал закреплению низкой культуры сотрудничества, обеспечивая использование возможностей общественных объединений различного типа для решения проблем приоритетных, в первую очередь, для государственно-бюрократических структур. Само взаимодействие осуществлялось главным образом опосредованно. Государство допускало общества к определенным видам работы только в тех сферах, где оно само, в силу различных причин, проблемы решить не могло (сфера социальной помощи, научных исследований, просвещения и пр.), что само по себе формировало новые противоречия. К примеру, это противоречие между потребностью в осуществлении сервисных функций общественными объединениями со стороны государства и объективным стремлением некоммерческих организаций выражать и отстаивать общественные интересы.

Невозможность, со стороны авторитарного или тоталитарного государства, конструктивно разрешить данное противоречие привело к огосударствлению коммерческих и некоммерческих секторов, к понижению социальной активности или поиску нелегитимных форм ее выражения. По мнению немецкого социолога Р. Дарендорфа, это объясняется тем, что обладающие властью стремятся к сохранению порядка в категориях бюрократической рациональности, сохранению норм распределения власти и защиты высокого положения. Индивиды ассимилируются с властью благодаря трансформации индивидов под влиянием адаптивных схем. Самоидентификация с подчиненностью власти создает феномен «асимметричной» самоорганизации, отчуждения качества организации у подавляющего большинства граждан.

Соответственно рост гражданской инициативы и стремления объединяться в общественные организации есть признак обострения указанных противоречий и кризиса авторитарной или тоталитарной системы. Диспропорции как в самих параметрах секторов, так и в асимметричности их отношений с властью есть источник возникновения новых противоречий, способных стимулировать, к примеру, рост политизации определенных общественных групп и объединений в условиях авторитаризма, и там, где это не укладывается в прокрустово ложе легальности, политическая деятельность осуществляется нелегально. Не случайно Дж. Кин напоминал неоконсерваторам, активным критикам государственно-административного социализма, практически забытый сегодня факт: «борьба за социализм выросла из общественных движений, связанных с созданием на местах новых форм участия в деятельности небольших «островков» гражданского общества – кооперативных союзов, отделений профсоюзов, обществ взаимопомощи и издательских коллективов» [4, с. 34].

Противоречие между объективным стремлением общественных групп и объединений к социальной инициативе и стремлением государства к социальному и политическому контролю может регулироваться через раздел или делегирование гражданскому обществу части государственных функций публично, на договорной основе, а может подаваться с помощью сохранения государством политики этатизма. Последнее для государства привлекательно, поскольку институционально оформленное утилитарное, прагматичное отношение государства к негосударственным секторам как ресурсу для решения ограниченного набора социальных проблем, как ни парадоксально, способствовало и мо-

жет продолжать способствовать сохранению низкого конфликтного потенциала в обществе. Но возможно это только тогда, когда государству удастся сохранять инициативу в конструировании и поддержании межсекторных взаимодействий. В этом случае плата за сохранение государством инициативы – появление, вместо общественного и рыночного, квазигосударственных секторов (в зависимости от характера исторической ситуации реализуемых в «мягкой» или «жесткой» формах), слабое принятие обществом гражданских ценностей и, как следствие, сохранение низкого уровня гражданского и общественного участия. Все это позволяет государству не столько регулировать возникшие межсекторные противоречия, сколько подавлять их.

Таким образом, сформировавшись в условиях авторитаризма и догоняющей модернизации на раннем индустриальном этапе общественного развития, патерналистский тип межсекторных взаимодействий, при слабой выраженной конфликтности межсекторных отношений, способствовал воспроизведению низкой культуры межсекторного сотрудничества. Закрепляя за собой иницирующую, нормативную и одновременно контролирующую функцию в формирующихся отношениях, государство использовало потенциал негосударственных секторов для решения проблем, главным образом в сферах неперспективных для конкуренции за контролем над ресурсами, например, в социальной сфере, где деятельность общественных объединений была направлена на реализацию главным образом сервисных функций.

Патерналистский тип межсекторных взаимодействий может воспроизводиться и в последующих модернизационных моделях при условии отсутствия или слабой ин-

ституционально закрепленной дистанции между секторами, ограничениях в доступности к формированию независимой от государства информационной среды, неразвитости механизмов, обеспечивающих взаимную транспарентность. В этом случае любые попытки модернизации межсекторных взаимодействий по «западному образцу», вступив в противоречие со стремлением сохранить традиционно сложившееся в рамках патерналистской модели «статус кво», могут усилить конфликтный потенциал и привести к росту межсекторных напряжений.

3. *Уровень противоречий, вызванных текущими структурными изменениями конкретного общества, избранной стратегией изменений, реагирования на созревающие противоречия и конфликты.* Специфика регулирования и потенциальная конфликтность обозначенных выше противоречий существенно увеличивают значимость анализа характера возникающих на данном уровне противоречий, поскольку наложение противоречий может понижать или повышать общий эффект их совокупного действия. А потому, при сохранении позиционного неравенства секторов, усиление конфликта интересов, при одновременном тиражировании технологий европейского либерализма, их слабой институциональной оформленности, отсутствии внятной политики выстраивания конструктивных межсекторных отношений, может в ближайшем будущем стать источником актуализации скрытых противоречий, и, как следствие, усиления конфликтности российского социума.

Противоречия этого уровня в силу их временности и ситуативности намного более разнообразны, а потому выделять весь их спектр крайне затруднительно. На этом уровне еще более проявляется обуслов-

ленность противоречий между секторами, противоречиями внутри секторов. Можно лишь отметить некоторые из них.

Противоречия в характере взаимодействия, социальной дистанции и направлениях развития различных секторов. Естественно, что развитие взаимодействий между секторами государство–бизнес, государство–некоммерческий сектор, бизнес–некоммерческий сектор не может идти равномерно, но существующие сегодня формы взаимодействия между ними, в частности фактическое сращение власти и бизнеса, ставят под вопрос сам факт существования в современной России трехсекторной структуры общества, особенно в условиях низкой гражданской активности.

«Трехячеечная модель не просто конституирует две ячейки – публичную и частную, – отмечает Б. Барбер, – но отделяет от них третью: гражданскую ячейку, куда входят те социальные общности, которые построены одновременно на членской основе (т.е. иерархии) и на эгалитарной, добровольной... Не будучи частным, третий сектор вбирает в себя принципы эгалитаризма и неэсклюзивности из публичного сектора, а из частного – добровольность и суверенитет личности. Осуществляя все это одновременно, третий сектор конституирует себя, и именно он отражает ту тенденцию, которую я назвал серьезной демократической перспективой» [1].

Ограничение данных процессов оказывает влияние на все сектора, актуализируя, к примеру, такие противоречия как противоречия между объективной потребностью со стороны государства в ответственном участии субъектов межсекторного взаимодействия и ограничении возможности влиять на принятие решений; противоречие между характером проводимых социальных ре-

форм и институциональной готовностью власти к межсекторному сотрудничеству по их реализации. Обострение последнего противоречия достигло своей высшей точки в период принятия закона о монетизации. «В ходе урегулирования «кризиса монетизации» власть, особенно на уровне регионов и муниципалитетов, была вынуждена взаимодействовать с сегментами гражданского общества в виде массовых акций протеста, ветеранских и иных общественных организаций, оппозиционных структур и др. В ряде регионов были созданы, пусть во многом и «фасадные», общественные Советы по контролю за ходом реализации Закона № 122. Без лишнего оптимизма можно констатировать, что власть вынужденно обнаружила, что, помимо нее, в стране есть что-то еще, и с этим нужно считаться» [9, с. 88].

Обращают на себя внимание и противоречия, заложенные в диспропорциях регионального развития секторов, их внутренней структуры и системы распределения ресурсов.

Невозможность со стороны государства конструктивно разрешить данные противоречия приводит к огосударствлению коммерческих и некоммерческих секторов, к понижению их социальной активности. По мнению немецкого социолога Р. Дарендорфа, это объясняется тем, что обладающие властью стремятся к сохранению порядка в категориях бюрократической рациональности, сохранению норм распределения власти и защиты высокого положения. Индивиды ассимилируются с властью благодаря трансформации индивидов под влиянием адаптивных схем. Самоидентификация с подчиненностью власти создает феномен «асимметричной» самоорганизации, отчуждения качества организации у подавляющего большинства граждан [3, с. 374]. Одно-

временно указанные процессы способствуют усилению в обществе, в терминологии Й. Галтунга, структурного насилия [2, с. 98] и, как следствие, делают привлекательными неформальные и даже нелегитимные формы протестных объединений.

Таким образом, последовательное изменение состояния противоречий в межсекторных взаимодействиях неперспективно без учета их диалектичности, глубины и способов проявления в конкретном контексте, как неперспективна и их абсолютизация. В первом случае это приводит к попытке тиражирования технологий межсекторного взаимодействия, сформировавшихся в рамках европейского либерализма, вне учета социокультурного контекста. Создаваемые институты, входя в противоречия с исторически сформировавшейся спецификой межсекторных взаимодействий и их акторов, в частности с высоким статусом и специфической ролью в этих взаимодействиях государства, по сути, превращаются в социальные муляжи, не реализуя миссии сектора. В тоже время абсолютизация цивилизационной специфики приводит к усилению социальной изоляции и мифотворчеству о социальной исключительности социальных процессов, происходящих в межсекторном пространстве.

Естественно, что развитие межсекторных взаимодействий не может идти равномерно. В этих условиях, при отсутствии видимых проявлений конфликтности в гражданской сфере, формируется ряд противоречий, обострение которых может привести либо к постепенной конструктивной смене доминирующего типа межсекторных взаимодействий на партнерские, либо к кризису, деформации структуры негосударственных секторов.

Литература

1. Барбер, Б. Гражданское общество: За пределами риторики. В рамках политического понимания (Отрывки из статьи) – URL : // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Barber1.shtml>.
2. Галтунг, Й. Насилие, мир и исследование мира // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / Под общ. ред. Е.Ю. Садовской, И.Ю. Чупрыниной; Конфликтологический центр: В 3 т. Т. 3. – Алматы, 2002. – С. 98–140.
3. Дарендорф, Р. Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии / Р. Дарендорф // Функции социальных конфликтов. – М.: Праксис, 2002. – С. 359–376.
4. Кин, Дж. Демократия и гражданское общество / Пер. с англ.; послесл. М.А. Абрамова. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 400 с.
5. Коэн, Дж. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато // Пер. с англ. / Общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь мир, 2003. – 784 с.
6. Мамут, А.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 94–103.
7. Никовская, А.П., Якимец, В.Н. Межсекторное социальное партнерство: конфликты развития // Конфликтология. – 2004. – № 1. – С. 55–66.
8. Никовская, А.П., Якимец, В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Социология и социальная антропология. – 2003. – Т. VI. – № 1. – С. 96–112.
9. Реутов, Е.В. Общество и власть. Кризис легитимности? // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 82–88.
10. Billis, D. Organising public and voluntary agencies / London: Routledge, 1993.
11. Carroll, T.F. Intermediary NGOs: The Supporting Link in Grassroots Development, Hartford: Kumarian Press, 1992. – P. 38.